

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются тенденции культуры в связи с изменением общественных практик. Творческий подход к освоению культурного наследия неизбежно создает новые ценности, поэтому традиции не остаются неизменным. К тому же, они по-разному воспринимаются молодым и старшим поколениями, что обостряет проблему отцов и детей. Преемственность культуры в современном обществе связана с условиями жизни людей. Тем не менее, сами условия не могут создавать новую реальность. Культура развивается по своим законам даже вопреки тому, что навязывается большинству заинтересованными социальными группами.

Ключевые слова: *преемственность, культура, культурное наследие, поколение, духовность, ценности, субкультура.*

Социология культуры призвана вскрывать за видимой случайностью необходимость и даже принуждение там, где хотят видеть выбор, свободную волю, что важно учитывать при концептуализации феномена преемственности культуры. Концептуализация – это тот уровень познания, когда оно проявляется вместе с опытом, но не исходит из одного опыта, а «представляет собой что-то вроде синтеза эмпиризма и рационализма» [1]. При этом рационализм связывается с социальными теориями, приемлемыми для построения каркаса концепции, а эмпиризм, т.е. конкретные свидетельства реальности, наполняет пространства между конструкциями каркаса и в чем-то требует их переделки или переопределения. В этом заключено некое методологическое противодействие произвольному моделированию, хотя вероятно полностью преодолеть данную проблему очень сложно, так как многие объекты социологии культуры лишены вещественных характеристик: социальные институты, действия и намерения людей не обладают параметрами вещи. Тем не менее, они существуют в пространстве и времени, а значит, они реальны и, следовательно, дают основа-

* © Заикина А.В., 2008

Заикина Анна Владимировна (annazzz@inbox.ru), кафедра социологии, политологии и права Саратовской государственной академии права, 410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.

ние для идеализации объекта, создание абстрактной модели существенных свойств и связей изучаемого.

При изучении преемственности культуры, как подчеркивали В.П. Кохановский, В.И. Пржиленский и Е.А. Сергодеева, важно учитывать, что «культура – это не собрание готовых вещей или ценностей, а деятельный процесс их освоения, использования, участия в процессах человеческого жизнетворчества... познание социокультурной реальности предполагает не столько отражение непосредственно данного мира готовых продуктов, сколько воспроизведение того, что стоит за ними, т.е. мира человеческих значений и смыслов» [2].

Объективной основой преемственности культуры является саморазвитие, поступательное развитие человеческого познания и самого предметного мира, созданного предшествующими поколениями людей. Изменяются и ценности, но к ним, как мы попытаемся показать ниже, трудно применить понятие прогресса, восхождения от низшего, неразвитого к высшему. Сохранение старого, традиционного здесь зачастую является более важной задачей, чем принятие нового, особенно в ситуации ломки общественных отношений. Тем не менее, общее правило преемственности заключается в совпадении родовой сущности человека (которая изменяется настолько медленно, что кажется неизменной) с инновациями. А.В. Меренков называет природными возможностями некие устойчивые состояния *homo-sapiens*. Он пишет: «Когда обнаруживается более высокое практическое, эстетическое, моральное или иное преимущество, у многих возникает потребность в освоении их достижений» [3]. Если подходить к этому процессу с позиций эволюционного развития человеческого общества, то такое утверждение правомерно, однако на отдельных исторических отрезках времени может происходить и обратное, т.е. человечество (вернее массовые слои) отказывается от высокого в пользу низкого.

На выбор характеристик культуры существенное влияние оказывает стиль мышления, присущий той или иной эпохе.

В современной философской и культурологической литературе нет однозначного ответа на вопрос о том, какие особенности по сравнению с другими культурными эпохами имеет постмодернизм, каков его нравственно этический потенциал и есть ли он вообще. Между тем постмодернизм учитывается во многих науках – антропологии, экономике, теории информации – и заявляет о себе как о транскультурном феномене, предполагающем диалог на основе взаимной открытости, многообразии духовной жизни человечества [4]. Одновременно исследователи признают такие черты постмодернизма как скептицизм и релятивизм, цинизм и этический нигилизм [5].

Прошедший XX век дал реалии, наполненные жестокостью, иррационализмом, которых не знало человечество в предшествующие эпохи, что не могло не отразиться на культуре, в частности на искусстве. Усложнился язык и изобразительные средства, усилилось субъективное начало в процессе воспроизводства реальности, – образ предельно противоречивого бытия требует для своего выражения уникальных художественных средств. Творцы духовных

ценностей замкнуты между моделированием образа катастрофической реальности и усилиями сбалансировать духовные несообразности века.

Постмодернистские эксперименты коснулись не только литературы, но и предопределили возникновение новых средств и стилей воспроизводства культуры, одним из которых является телевидение. По определению Ю. Лотмана, этот процесс подобен эстетическому взрыву, а сменяющие друг друга взрывы придают динамической кривой многоступенчатую непредсказуемость [6].

Усложняется процесс диалога автора и потребителя духовных источников. Автор создает реальность, у которой зачастую нет сходства (сближения) с реальностью жизни. Узнавание не гарантирует понимания. «Понимание оказывается сложной деятельностью, требующей воображения и активных творческих усилий, направленных на преодоление готовых моделей, стереотипов и мифов» [7].

Преемственность культуры является важным понятием во многих науках, таких как исторические, юридические, политологические, экономические, социологические и др. «Снятие» состояний, как и сохранение их с течением времени, имеет сложную взаимосвязь и взаимозависимость: изменчивость и устойчивость, с одной стороны, детерминированы изменением условий функционирования различных институтов культуры, с другой стороны, изменения среды (условий) вызываются субъектами, обладающими новой культурой. Как это происходит и что первично в данном процессе? Длительное время в отечественном общественном сознании, следуя аксиоме – материя первична, сознание вторично, признавалась доминирующим фактором среда, или условия, которые либо положительно, либо отрицательно определяли какой быть личности.

Во многом это связано с традицией жесткого противопоставления философского материализма и идеализма, что нашло продолжение в идеологии и политике. Считалось, что представители так называемой идеалистической философии, фактически давшие научную жизнь духовной реальности, видели свою задачу в том, чтобы «размыть» ясные и четкие контуры и гносеологические границы между материей и сознанием. В идеологии и практиках культурного развития духовность невольно стала восприниматься как побочный продукт материального развития. В обществах, где культурно-духовная стратегия предполагает вторичность духовной части жизни, начинает господствовать прагматизм, пренебрежение к абсолютным значениям Добра и Зла, Любви, Порядочности и другим высшим ценностям нравственности.

Не вдаваясь в полемику о первичности – вторичности материи и духа, обратимся к доводам С.В. Дерюгина и А.Н. Наумова, которые представляются нам достаточно убедительными, чтобы согласовать соотношение этих понятий. Авторы рассуждают следующим образом: поскольку бытие есть всеохватывающее понятие, в которое включаются все виды материи со всеми видами идей, то по отношению к бытию «ни материя, ни идея не первичны (тем более,

что становится сомнительным сам термин «первичность»), или можно сказать, что одновременно первичны и материя, и идея» [8].

Иначе и не может быть, поскольку прежний основной вопрос философии был определен с антропологических позиций и классической картины мира. Для человека «классического типа» мир есть, был и будет, отсюда проблема бытия – небытия онтологически не существовала. Новые реалии XX – XXI вв. выдвинули на первое место самый предельный и исходный вопрос – о бытии – небытии. Человек не может больше быть ни посторонним наблюдателем, ни хозяином-преобразователем, требуется наблюдатель над самим собой, а это чисто духовный феномен, из деяний, склада ума и чувств такого субъекта складываются те или иные материальные процессы. Следовательно, в духе бытие «знает» себя, задает всему бытию организацию, задачу, норму, включая самое себя, и проживает свою жизнь в состоянии целостной идеальной информационно-оценочной эмоционально- конструктивной формы.

Важно подчеркнуть, что дух и духовность не являются инструментом чего-то (преобразований, громадьи планов и т.п.), они живут самостоятельной жизнью, они – состояние. При этом духовное деяние духа человека в продукте хотя и угасает, но не угасает весь дух человека, поскольку остается потенциал сотворения новых продуктов – духовных или материальных. Продукты, в которых воплощен результат деятельности человека, сами становятся носителями духа. Книгу, кинофильм, картину или скульптуру мы ценим не за качество их носителя (бумаги, камня), а за воплощение духовности. Это в полной мере относится и к нетиражируемой, непосредственной передаче художественного произведения – от исполнителя к зрителю и слушателю. Итак, рассмотрение преемственности культуры через духовность представляется наиболее приемлемым подходом.

С точки зрения преемственности культуры здесь существует множество противоречий. Первый, важнейший вопрос – что нужно и интересно вновь пришедшим на сцену активной жизнедеятельности агентам культуры – целиком созданное в прошлом или только новации.

Важнейший вопрос здесь – оценка духовных приобретений и потерь. Является ли погружение индивида в киберпространство и существование в целом в специфических условиях посткнижной культуры предпосылкой его разностороннего развития или ведет к одномерному восприятию мира? Приобретения человечества в различных видах и жанрах литературы и искусства, несомненно, содержат огромный потенциал духовного богатства и когда они небрежно отбрасываются или к ним закрывается доступ по другим причинам, это потеря для общественной культуры.

Объяснение такого состояния культуры (как ее «исправления») с помощью «воздействия» извне становится все более сомнительным, равно как и за счет некоего сочетания внешнего толчка с внутренним усилием человека к усовершенствованию.

По нашему мнению, переход от первого состояния ко второму и обратно происходит за счет самодвижения при очень сложной конфигурации детерминации. Природа конечных (ныне эмпирически воспринимаемых) духовных явлений нектавринична, т.е. они обладают некоторой достаточности и способностью быть опорой другому, а также определенной несамодостаточностью и нуждаемостью в другом, чтобы быть самим собой. Этот процесс непрерывен, однако, чтобы ответить, что на что влияет, отчего, когда и в какой степени зависит, что является средством или результатом, необходимо логически их обособить, не доводя до замкнутости и изоляции [9].

В преемственности культуры участвуют материальная и духовная детерминация. В материальном виде детерминирующее особое место занимают научно-техническая и социальная формы. Так, появление и распространение новых технических средств трансляции духовного продукта существенно меняют стиль жизни, заполнение свободного и рабочего времени, как это видно на примере компьютеризации и использованию магнитофонов, мобильных телефонов и т.п. Особой сложностью отличается социальный тип детерминации взаимосвязи нового и старого в культуре. Здесь действуют объективный и субъективный факторы изменения, причем объективное существует и само по себе и конструируется самим субъективным [10].

Какие бы существенные перемены не происходили в экономике, политике, в отношениях социальных групп между собой, время не является настолько разорванным, чтобы прошлое не участвовало в духовной детерминации. Прошлое, являясь следствием ретроспективно более отдаленных причин, ныне путем воспоминаний, образов, переживаний, пониманий влияет на настоящее. Тем не менее, оно не только не тормозит появление нового в культуре, но и помогает его становлению. Это происходит, во-первых, за счет неугомонности человеческого духа, который двигает человеком соответственно установлениям (или вопреки) логики, идеи или желания. Здесь можно наблюдать полный крах представлений о действии стимулов на поведение: воздействие извне отступает перед внутренней ориентацией. Во-вторых, действуют глубинные смысложизненные побуждения и дальние зависимости экзистенциального характера [11]. В-третьих, воспроизводство и создание переживания за счет филиации (выведения идей из идей) и чистого конструирования новых идет без видимой опоры на предпосылки (хотя, конечно, сама образованность, способность к когнитивной деятельности уже является предпосылкой). В-четвертых, возможны новые (не характерные для прошлого) поступки под воздействием появившихся идей (или переноса заморских идей на национальную почву). Здесь уже есть волевое начало, усилие ума по реализации неких новых идей. Сама реализация нового часто носит необычный, шокирующий характер, например, одна из молодежных групп придумала скупить собрание сочинений К. Маркса с тем, чтобы отправить книги в месторождения этого мыслителя.

Следующая группа детерминации преемственности культуры связана с условиями, средой жизни человека. Тем не менее, сами условия без причинения

не могут продуцировать новую реальность. Причинность отличается от обусловленности, прежде всего тем, что она нечто самодвижущееся, «начинается спонтанно, не будучи побуждена чем-то иным, и есть самостоятельный источник самопорождения» [12].

К существенным переменам в культуре приводят генетические взаимозависимости, когда одно состояние вырастает из другого за счет перелива своей природы друг в друга. Сохраняя смысл и целеполагание, тем не менее, конечное, т.е. ныне фиксируемое эмпирически явление изменяется настолько, что оно превращается в качественно иное [13].

Строя концепты преемственности культуры, нельзя забывать о том, что через воздействие на нее власть стремится укрепить свое положение. Это делается с помощью особых методов ввода в актуальную культуру «нужных» источников и забвения «ненужных», обоснованных в качестве вредных, разрушающих и т.п. официальных оценок, что не обходится без помощи преданной служилой интеллигенции.

Мы строим коммунизм.
Что в мире краше,
Чем этот труд!
Где доблести предел?
Пределов нет!
А кто сказал, что наша
Любовь должна быть
Мельче наших дел?

С. Щипачев.

Конечно, связь жизни и искусства не является жесткой, как «товар – деньги – товар». Всегда существует некая форма защиты человека от прямой идеологии или упакованной в художественную литературу и искусство. Однако каков результат этого? Что происходит с наследованием духовности?

По мысли Ролана Барта, спецификой советской идеологии является очень короткий срок ее существования в «чистом» виде, т.е. всего во времена «военного коммунизма». После смерти Ленина она была заменена идеологией советской государственности, просуществовавшей до времени Великой Отечественной войны, когда акцент был сделан на советский патриотизм, который стал реальным мировосприятием подавляющей части народов СССР.

После смерти Сталина с начала хрущевской оттепели и все время брежневской застойной стабильности советское бытие приобрело парадоксальные черты: в самосознании людей соединились и переплелись российское, советское, почвенное, дружески-коллективное и авторитарное начала. Появилась способность всех – от крупных руководителей до уборщицы – нормализовать в сознании невероятное и абсурдное, упрощенное и усложненное, громадьё планов строительства будущего и бесконечные очереди, строгая партийная ответственность личности и реализация губительных проектов на государственном уровне (перегораживание рек по технологиям, допускающим затопление ты-

сяч поселков, гибель рыбных ресурсов, строительство БАМа по сейсмически опасной территории, бездарная военная Афганская компания и т.п.).

Жизнь практически всех слоев населения в таких условиях способствовала выработке двойного сознания и эзопова языка, которые просуществовали до конца СССР (впрочем, рецидивы их встречаются до сих пор). На собраниях – рабочие и крестьяне, в книгах и статьях – представители интеллигенции убеждали друг друга в нормальности жизни, а на кухне, разных посиделках высмеивали эту реальность. Особую культурноформирующую силу занимали стеб и анекдот брежневской эпохи. Комсомольские работники, проведя собрание молодежи, где зажигали аудиторию пламенными речами, затем в узком кругу рассказывали анекдоты о самих себе. Поскольку они являлись одними и теми же героями спектакля видимости, трудно удержаться, чтобы не привести здесь один из таких анекдотов. Спрашивает сын у отца, что такое КПСС, профсоюз и комсомол. Подумал папа и отвечает: «Ну, партия – это как у нас мама – командует всем домом. Профсоюз – это я, тот, кто выполняет команды. Комсомол – это ты. Тебе говорят, сделай то-то, иди туда, а ты – никуда».

Ни «стеб», вызывающий сексуально-алкогольные ассоциации, ни политический анекдот не были подвластны какой-то цензуре и контролю, т.е. существовали как неотъемлемый элемент культуры предреформенной эпохи.

Другим фактором влияния на культуру массовых слоев являлась тюремная субкультура. По оценкам ученых Восточно-Сибирского института МВД России, от одной четверти до одной трети мужского населения страны вопреки своей воле побывали за тюремными стенами [14]. В силу этого тюремно-лагерная субкультура для миллионов людей стала приоритетной, трансформируясь в общероссийскую культуру.

О силе влияния тюремной субкультуры говорит не только то, что в повседневности действует главный принцип общения тюремного населения – ответить «эквивалентно» на вызов (хотя он может иметь мелочную подоплеку, например, собеседник плохо «фильтровал базар», т.е. допустил в речи оскорбительное слово), но и соблюдение принципа разделения людей на категории, достойные или недостойные уважения, перемещение жаргона в риторiku всех официальных структур вплоть до высших («беспредел СМИ», «мочить в сортире» и т.п.)

После снятия сверху всех запретов на высказывания очень скоро были забыты священные идеи свободы, которые явно или попутно поддерживали культуру неприятия советской повседневности, и в целом большинство гражданских идеалов потонули в новом стебе. Этому во многом способствовало то, что почти десять лет с начала реформ в России был бизнес, как правило, полукриминальный и криминальный, но не было реальной, полезной для большинства населения экономики. Все это, несомненно, сильно корректирует духовное восприятие действительности, отражается на эмоциональной составляющей культуры массовых слоев населения.

Если говорить о сегодняшнем процессе преемственности культуры, то в нем сталкивается несколько тенденций. Официальные институты создания и трансляции духовных ценностей сориентировались на поколение, которое «выбрало пепси», что по понятным причинам не может не вызвать протеста старшего поколения, тех, кто в свое время выбирал коммунизм. Противоречия на этой базе пронизывают разные социокультурные среды, вплоть до семьи.

Другая тенденция: при трансляции, обучении и воспитании доброму, высокому, что функционально осуществляют учебные заведения, сделаны определенные сдвиги, смещение акцентов. Признавая, вслед за Элиотом, что освоение культуры (на примере чтения) включает обогащение ума, эстетическое наслаждение и развлечение, приходится констатировать ряд предумышленных сдвигов, которые сделаны официально в учебных заведениях в пользу прагматизма и утилитаризма.

Третья тенденция – это культурноформирующие результаты стремления семьи сформировать детей, новое поколение, которое было бы лучше отцов. Хотя клише общественного сознания «молодежь – не та» и циркулирует в разных общностях, но воспитательные действия, скрепленные любовью, делают позитивные результаты, что способствует возвышению над идеалами своей социальной группы. Культура – это не только сумма нескольких видов деятельности, а образ жизни. Его в наши дни создает преимущественно семья, конечно, в разных масштабах, но всякий раз поднимаясь над средним уровнем. Часть богатых москвичей посылает детей учиться в Сорбонну, а ответственные родители села, любящие детей, – хотя бы в город, в вузы или лицеи, что им намного сложнее, поскольку изыскивать финансовые средства в условиях самой низкой оплаты труда – характерное и устойчивое явление в сельском хозяйстве – весьма не просто. Для семей среднего класса открываются соответственно промежуточные возможности дать детям достойное образование. По мере овладения культурой, особенно профессиональной, происходит ротация, т.е. перемещение талантливых индивидов из низших страт в высшие. Это уже происходит и сегодня: молодые специалисты провинциальных городов, овладевшие профессией и знанием иностранных языков, оказываются востребованными в самых престижных столичных и зарубежных фирмах.

Перспектива возрастания культуры российского общества видится именно в формировании семейных групп, продолжающих из поколения в поколение вести образ жизни, который не отбрасывает культуру прошлого, а органично вводит ее в новую социальную обстановку, какой бы противоречивым не было ее институциональное культурное оснащение.

Обретение нового, равно как и восстановление старых, забытых, но «вечных» ценностей, – итог разрешения внутренних противоречий сознания, возникающих в среде обитания человека, а также в том социальном пространстве, в которое он включен.

Новые социально-экономические реалии последних лет XX и начала XXI века в России коснулись многих сторон жизни людей. Среда обитания стала

резко противоречива. Раздаются голоса о стихийном процессе развития, вестернизации культуры. Озабоченность части общества утратой неких стабильных сторон духовной жизни оборачивается стремлением подтолкнуть к активному освоению одних и устранению других духовных ценностей. Навязывание и вдалбливание в умы и чувства людей тех идей, которые господствующему классу кажутся желательными для всеобщего употребления, вызывает не только подчинение соответствующим стандартам и клеше, но и самоблокирование, когда человек не поддается неким догмам или обольщениям талантливых совратителей. Индивиды, не чуждые потребности читать, обращаются к ценностям культуры, отраженным в текстах прошлого, что также поддерживает процесс преемственности. Как бы ни относилась современная молодежь к тем, кто ехал на далекие стройки или шел добровольцем на фронт, их образ трудно заслонить собой образом какой-нибудь Ксении Собчак и ей подобных, которых намеренно делают героями нашего времени.

Итак, преемственность культуры пробивает себе дорогу не только соответственно, но и вопреки тому, что навязывается меньшинством большинству. Однако можно представить и такую ситуацию, когда данное противоречие будет смягчено (полностью оно не будет снято никогда, тем более в обществе, признающим право на плюрализм стилей, жанров и т.п.). В таком случае в практике преемственности культуры, ее ценностей и норм будут сосуществовать два подхода: нормативный и сущностный. Первый апеллирует к мере (или норме) развитости социальных качеств человека относительно его согласованности с целями социума, т.е. сознательность или альтруистическая направленность его личности, «всесторонность», следование призывам господствующего класса и т.п. Такой подход не достаточен хотя бы потому, что игнорирует индивидуальность и неповторимость человеческих существ, способность принимать самостоятельные решения в духе или вопреки понятиям альтруизма, общественного долга, ответственности.

Не отрицая данный подход, который даже при прямом «запрете» будут использовать семья и школа, видимо, все большее место в перспективе займет сущностный подход. Речь идет не только и не столько о должном и нормативном, идущем от конкретных окружающих людей или господствующего в информационном поле. Должное идет от самой сущности жизни, мироздания, от его закономерностей, которые господствуют в народной культуре.

Библиографический список

1. Жюма, Д. *Философский словарь* / Д. Жюма; пер. с франц. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 196.
2. Кохановский, В.П. *Философия науки* / В.П. Кохановский, учебное пособие: 2-е изд. – М.: ИКЦ «МарТ», 2006. – С. 196.
3. Меренков, А.В. *Культура как способ реализации и развития природных возможностей человека* // А.В. Меренков // III Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения»: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации: тезисы докладов. – Т.1 – М.: КДУ, 2007. – С. 409.

4. Маньковская, Н. Париж со змеями (Введение в эстетику модернизма) / Н. Маньковская. – М., 1995. – С. 94.
5. Скоропанова, И. Русская постмодернистская литература / И. Скоропанова. – М., 2002.
6. Лотман, Ю. Культура и взрыв / Ю. Лотман // Семиосфера. – СПб., 2000. – С. 106.
7. Рымарь, Н. Узнавание и понимание: проблемы мимезиса и структуры образов в художественной культуре XX века / Н. Рымарь // Вестник Самарского государственного университета. – 1997. – №3 – С. 34-35.
8. Дерюгин, С.В. Основной вопрос философии: вариант решения проблемы / С.В. Дерюгин, А.Н. Наумов // Философские науки. – №1. – 1991.
9. Аршинов, В.И. От смыслопрочтения к смыслопорождению / В.И. Аршинов, Я.И. Свирский // Вопросы философии. – № 2. – 1992. – С. 145-152.
10. Лекторский, В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1990.
11. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990 – 388 с.
12. Гегель. Наука логики: В 3 т. / Гегель. – М.: Мысль, 1971. – Т.2. – С. 210.
13. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек: феномен общественного сознания и социальной практики / Ж.Т. Тощенко // Вестник Российской академии наук, 2006. – Т.76. – № 8. – С. 683-691.
14. Гайдай, М. Пенитенциарная субкультура и ее место в российской культуре / М. Гайдай // Интеллигенция в диалоге культур. Сб. статей по материалам VIII международной теоретико-методологической конференции, 5 октября 2007 г. – М.: РГГУ, 2007. – С. 345.

A.V. Zaikina

CULTURE CONTINUITY SOCIOLOGICAL CONCEPTION

In the paper the tendencies towards the development of the culture influenced by the changing of the social practices are considered. The creative way of studying of the cultural heritage inevitably creates the new values, so traditions don't stay the same. Moreover, they are accepted by the older and younger generations in a different way, which makes the problem of parents and children more sharp. Culture continuity in the contemporary society is connected with the life conditions. Nevertheless, conditions themselves cannot create the new reality. The culture has its own laws of the development even despite of the fact that the interested social groups impose their opinion on the majority.

Key words: *continuity, culture, cultural heritage, generation, spirituality, values, subculture.*

Статья принята в печать в окончательном варианте 16.06.08 г.